

УДК 32.019.5

ОБРАЗЫ ДЕТСТВА И ДЕТЕЙ В СИМВОЛИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ*

Т. Б. Рябова

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Российская Федерация, 191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48

О. В. Рябов

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Рассматриваются основные черты использования образов детства и детей в символической политике. По мнению авторов, в последние годы происходит заметный рост политической темы детства, что обуславливает академическую и социальную актуальность ее исследования. Символ детства играет заметную роль в легитимации и делегитимации власти и государственного устройства, дискурсе военных конфликтов, цивилизационном дискурсе и других формах символической политики. Этот символ обладает свойствами, которые делают его удобным для привлечения политическими акторами: связью с мифом и сакральным, что обуславливает мобилизационный потенциал символа и определяет его способность вызывать сильную эмоциональную реакцию; пластичностью и субъективностью в интерпретации; простотой восприятия; способностью создавать символические границы сообщества и служить механизмом включения и исключения. Данный символ апеллирует к кровнородственным отношениям, что способствует репрезентации социальных связей как естественных, прочных и легитимных. Он вовлекает в символическую политику такие бинарные оппозиции, как природа и культура, разум и эмоции, власть и подчинение, свобода и зависимость, личность и коллектив, актуальность и потенциальность. В производстве смыслов и оценок социальной реальности при помощи символа детства используются разнообразные механизмы символической политики: проведение символических границ, привлечение концептуальных метафор, ресемантизация, визуализация, стереотипизация. Несмотря на вариативность значений данного символа, определяемую эпохой и культурно-национальными особенностями, можно выделить сумму характеристик, свойственную для него в человеческой истории. Наиболее значимой из них становится инаковость по отношению к норме — состоянию взрослого человека, прежде всего взрослого мужчины, чем определяются и позитивные, и негативные контексты его использования. Авторы приходят к выводу, что символ детства имеет значительный потенциал для его привлечения в символическую политику.

Ключевые слова: детство, дети, символическая политика, политический символ, легитимация власти, военная пропаганда, политическая мобилизация.

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, грант 18-18-00233 «Кинообразы советского и американского врагов в символической политике холодной войны: компаративный анализ», и Российского фонда фундаментальных исследований, грант 19-011-00748 «“Русский медведь” в современной символической политике: российский и западный контексты».

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2019

Тема детства в последнее время становится все более популярной в новостях о политике, касается ли это освещения активности россиян на митингах, войны в Сирии или проблемы миграционных потоков в США. Однако в отличие от проблемы «молодежь и политика», которая очень активно изучается в современной российской политической науке, тема «детство и политика» еще не стала предметом серьезного внимания политологов, за исключением ряда аспектов (прежде всего таких, как государственная политика в отношении детей и политическая социализация юных граждан).

В настоящей статье мы затронем один аспект проблемы — образ детей как политического символа. Вначале речь пойдет об основных чертах политических символов и символической политики. Далее мы остановимся на том, какими значениями наделяется символ детства. Затем проанализируем использование данного символа в политических практиках легитимации и делегитимации власти и государственного устройства, в символической политике военных конфликтов, в цивилизационном дискурсе.

Политические символы и символическая политика. В российской политологии наиболее востребована трактовка символической политики как деятельности, направленной на производство и продвижение/навязывание определенных способов интерпретации социальной реальности (Малинова, 2010). Разделяя в целом данный подход, обратим внимание еще на одну характеристику символической политики — это политика, цель которой заключается не столько в присвоении некоего материального блага, сколько в достижении эмоционального удовлетворения (Dallek, 1983; Sharp 2000). Акцент на эмоциональном компоненте символической политики представляется весьма эвристичным, поскольку она содержит не только когнитивную, но и аффективную составляющую, что особенно актуально сегодня, когда все больше избирателей во всем мире «голосуют сердцем». Этот аспект тем более значим, когда речь идет о столь чувствительной в эмоциональном отношении теме, как дети.

Одна из ключевых целей символической политики — легитимация. Легитимация власти в политической науке исследуется достаточно интенсивно, однако внимания заслуживает и более широкое по объему понятие легитимации как таковой¹. Напомним, что, согласно П. Бергеру и Т. Лукману, легитимация как способ «объяснения» и «оправдания» представляет собой многоуровневый процесс, связанный с апелляцией к символическому универсуму — системе теоретической традиции, впитавшей различные области значений и включающей институциональный порядок во всей его символической целостности (Бергер, Лукман, 1995). Очевидно, именно легитимация и делегитимация политических акторов и институтов составляют ядро символической политики как борьбы за формирование и утверждение определенных смыслов и оценок социальной реальности.

Легитимация власти — это процесс, целью которого выступают признание или подтверждение права политической власти на принятие и реализацию

¹ Понятие «легитимация» в широком смысле исследуется в зарубежной науке; например, Э. Кема характеризует легитимность как «не только политический, но и онтологический способ отношения человека к миру» (Quémea, 2015, p. 10).

политических решений. Говоря о легитимном господстве, понимаемом как вероятность повиновения приказу, М. Вебер различал рациональную, традиционную и харизматическую легитимность. Идеи Вебера обозначили начало дескриптивного подхода к концептуализации легитимности как веры в право власти управлять (см. об этом и о дискуссиях по поводу соотношения дескриптивного и нормативного подходов: Veetham, 2013, p. 6 и др.). Для того чтобы получить, удержать и восстановить легитимность, политические акторы используют различные стратегии легитимации, которые можно определить как попытки утвердить собственное видение того, что является правильным для страны, и в принципе обеспечить добровольную передачу им самим права решать за страну (Mazepus et al., 2015, p. 354). По мнению К. Завершинского, в результате легитимации происходит объединение жизненного пространства индивидов и их ассоциаций с институциональным политическим порядком, что придает этому порядку субъективную значимость (Завершинский, 2003). В процессе легитимации политические акторы активно применяют символические ресурсы (Eriksen, 1987), и подобные приемы обладают высокой степенью эффективности.

Роль политических символов в политической борьбе определяется их непосредственной связью с отношениями власти. Политические символы могут способствовать приобретению одними идеологиями конкурентных преимуществ над другими и, наоборот, могут использоваться для того, чтобы бросить вызов доминирующей идеологии (Nieguth and Raney, 2017, p. 89).

Символ обладает свойствами, которые делают его удобным для применения политическими акторами. Прежде всего это связь символа с мифом и сакральным, что обуславливает его мобилизационный потенциал и способность вызывать сильную эмоциональную реакцию (DeZalia et al., 2014; Basta, 2016, p. 948; см. также: Kowalewski, 1980, p. 441–443).

Кроме того, символ может играть роль символического пограничника, когда используется при проведении символических границ. Символы, как заметила Г. Илджениус, по самой природе обладают таким свойством, как способность быть включенными в создание границ (*boundary-creating*; Elgenius, 2011, p. 13). Каждый символ вносит вклад в формирование ингрупповых связей общности и противопоставления ее аутгруппе (DeZalia et al., 2014). Способность символов служить средством включения/исключения активно применяется в процессах коллективной идентификации.

Далее, символы, выступая универсальным средством коммуникации внутри сообщества, вместе с тем достаточно пластичны с точки зрения своего содержания (Elgenius, 2011, p. 16). Как подчеркивает Э. Коэн, «символы не столько выражают значения, сколько дают нам возможность значения производить» (Cohen, 1985, p. 15). Эта пластичность создает простор для интерпретаций и обуславливает соперничество за понимание конкретного символа, за ту сумму значений, которую он призван выражать.

Наконец, использование символов представляет собой относительно мало-затратный способ оспорить или поддержать, одобрить ту или иную политическую повестку (Nieguth, Raney, 2017).

Символ ребенка: основные значения. Теперь обратимся к содержанию символа ребенка. Выявляя спектр его значений, следует принимать во внимание вариативность понятия «детство». Оно неодинаково в разных культурах и в разные периоды истории. Коррективы в содержание этого понятия вносят этнические, классовые, религиозные идентификаторы сообщества². Кроме того, борьба политических акторов за выгодную для себя интерпретацию символа детства также повышает степень вариативности его значений.

Однако, несмотря на подобную пластичность данного символа, можно выделить некоторую сумму значений, характерных по крайней мере для эпохи модерности. Представления о детстве следует признать стереотипными, поскольку они устойчивы, схематичны, имеют эмоциональную окраску и разделяются большинством; любой социальный стереотип предполагает представление о качествах их носителей и социальных ролях, ими выполняемых (Рябова, 2009).

Общей характеристикой детства выступает инаковость по отношению к норме — состоянию взрослого человека, прежде всего взрослого мужчины. В этом смысле данный символ имеет немало общего с другими знаками инаковости, например с репрезентациями женщин в андроцентрической культуре (Landsman, 1992). В целом детство символизирует некую нехватку, несформированность, не вполне социальное существование, близкое в первую очередь природе, а не культуре, поэтому ребенок призван символизировать такие качества, как несамостоятельность, зависимость, подчиненность, а также слабость и беспомощность. Кроме того, ребенок становится аллегорией неразумности, некомпетентности, отсутствия опыта; он служит воплощением приоритета эмоций над разумом, неспособности к самоконтролю, капризности, мечтательности, игнорирования суровых реалий жизни — как правило, это обозначается термином «инфантилизм».

Однако Иное амбивалентно: отклонение от нормы (девиация) обладает как негативными, так и позитивными чертами. В позитивных контекстах детство — прежде всего символ подлинности. Близость ребенка к природе выступает знаком не животности, а подлинной человечности — это касается искренности, непосредственности, высшей мудрости, безобидности, миролюбия. В религиозном контексте дети могут символизировать чистоту и безгрешность; с подобными представлениями связан, например, такой эпизод средневековой истории, как Крестовый поход детей. Кроме того, детство нередко рассматривается как аллегория беззаботности, соотносится с «золотым веком», своеобразным «детством человечества». Однако дети олицетворяют и будущее; с их образами ассоциируются надежды на обновление, и в этом смысле они символизируют продолжение жизни, и коллективной, и индивидуальной.

Образы детства и детей в различных формах символической политики. Говоря об использовании символа детства в политике, прежде всего отметим его роль в процессах мобилизации. Очевидно, для того, чтобы индивид

² См., напр., типологии детства, предложенные этнографом и антропологом М. Мид (Мид, 1988), историком Ф. Ариесом (Ариес, 1999). О типологиях детства см. также: (Кон, 1983; Щеглова, 1999).

считал происходящее в мире политики релевантным своим собственным интересам, необходимо, чтобы привлекаемые символы были понятными и одновременно обладали высокой значимостью. Символ детства отвечает данным критериям: он апеллирует к личному опыту индивида и воспринимается с повышенной эмоциональностью. Особая уязвимость детей требует оперативной реакции; эмоции при этом нередко берут верх над рассудком.

Итак, образ детства, задействуя широкий комплекс чувств и эмоций, имеет большое значение, которое политические акторы стараются использовать себе во благо. Рассмотрим, как отмеченные значения символа включаются в различные формы символической политики.

Образы детства и детей в легитимации власти и государственного устройства. Начнем с основных практик легитимации власти, прежде всего репрезентации сообщества, от имени которого говорит власть, как естественного и легитимного. Важную функцию здесь выполняет семейная метафора. Так, в кросс-культурном исследовании, посвященном анализу современных национальных гимнов, показано, что более чем в половине из них встречается данная метафора (Lauenstein et al., 2015, p. 320). В связи с этим высказывается мысль о том, что метафора «воображаемой семьи» более полезна для выявления специфики нации, чем уже привычное понятие воображаемого сообщества. Ее использование акцентирует тот факт, что при помощи гендерных аналогий: 1) создается четкая иерархическая структура; 2) предписываются определенные социальные роли и обязательства; 3) создается позитивный эмоциональный фон восприятия национального сообщества; 4) происходит реификация социального феномена в качестве якобы биологически детерминированного (Lauenstein et al., 2015).

Действительно, для мифологических воззрений многих народов характерно понимание своей земли как порождающего начала. В эпоху модерности материнский образ страны становится особенно популярным, что связано с появлением идеологии национализма; метафора семьи играет важную роль в легитимации нации. По этой причине в XVIII–XIX вв. — в эпоху зарождения национализма — во многих странах распространяются женские аллегории национальных сообществ, в числе которых и «Россия-матушка» / «Родина-мать» (Рябов, 2007). За счет позиционирования России в образе матери утверждается идея о том, что связь между страной и ее гражданами носит не договорной и временный, а вечный и естественный, «органический», характер. С образом Родины, которая по-матерински заботится о своих детях, коррелируют представления о правителе как строгом, но справедливом отце. Данные представления берут начало в мифологеме иерогамии, священного брака Правителя и Земли, известной со времен древневосточных государств (Kantorowicz, 1957, p. 212). «Царь-батюшка» и «Россия-матушка» — эти известные символы российской политической мифологии связаны с образом жителей России как ее детей. Разумеется, представления о руководителе государства как об отце нации сегодня эксплицируются нечасто. Вместе с тем многие практики остались в арсенале символической политики власти, что обнаруживает себя, например, в элементах политики патернализма или в демонстративной заботе о малень-

ких гражданах. Причем это касается различных политических систем: например, отнюдь не только авторитарные правители, демонстрируя свою человечность и заботу о будущем страны, фотографируются с детьми

Метафора детства традиционно привлекается к легитимации государственного устройства и созданию макрополитической идентичности. Например, картина В. Бугро «Родина-мать» (1883) репрезентирует Францию как мать, а принадлежащие ей колонии — как ее детей (Бугро, б. г.). В таком же контексте материнский символ нередко используется в региональной политике, легитимируя включение региона в политическое целое. Так, в советское время воздвигались статуи, олицетворявшие союзные республики («Мать-Армения», «Мать-Грузия» и др.). В постсоветский период подобная визуальная политика возрождается в 2000-х гг., когда в Чувашии, Бурятии, Саха-Якутии, Югре устанавливаются статуи женщин, служащие аллегориями этих регионов (Докучаев, 2015).

Образ детства был использован в легитимации присоединения Крыма к Российской Федерации. Так, в марте 2014 г., когда в российских регионах организовывались митинги в поддержку крымского референдума, в Омске правительство области установило билборды «Своих не бросаем!», на которых Россия изображалась в виде матери, а Крым — в образе ребенка (Рябов, 2014)³. На митинге в Севастополе, состоявшемся через несколько дней после свержения президента В. Януковича и прихода к власти сторонников Евромайдана, появляется плакат с мотивом долга России-матери перед русскими жителями Крыма: «Россия! Мы брошенные дети твои». Подводя итог интеграции региона в Россию, президент России, обращаясь к крымчанам 9 мая 2014 г. в Севастополе, сказал: «Родина-мать открыла вам свои широкие объятия и приняла в свой дом как родных дочерей и сыновей» (цит. по: Рябов, 2014).

Символ России-матери использовался и в событиях на Юго-Востоке Украины. Жители этого региона — этнические русские — были представлены как блудные дети, стремящиеся вернуться домой. Особый резонанс получило включение образов матери и детей в дискурс протестных акций в Донецке; 7 апреля, когда протестующие захватили здание областной государственной администрации, один из активистов в прямом эфире сказал: «Мать Россия, помоги детям своим Донбассу!». Затем плакат с таким текстом вывесили на стену здания администрации (Дончане обращаются к Матери-России, 2016). В тексте, размещенном на следующий день в блоге Э. Лимонова, говорилось: «Россия должна прийти на помощь Народным Республикам Востока Украины. Ведь Россия — мать, мать не должна бросать своих детей без помощи» (Лимонов, 2016)⁴. Пять лет спустя, 11 мая 2019 г., во время празднования Дня Республики, лейтмотивом которого был лозунг «Мы выбираем Россию», руководитель ДНР исполнил со сцены песню, которую написал один из донецких композиторов. В ней есть такие слова: «Эй, Россия, Родина-мать! / Никому не дадим мы тебя

³ Заслуживает упоминания и использование в визуальном дискурсе образа Крыма как медвежонка, которого заботливо опекает Россия-медведица (Рябов, 2014).

⁴ Любопытно, что сторонники киевской власти ответили, разместив на улицах Донецка билборды со слоганом «Мать-Украина! Береги Донбасс, как сына!» (Фотофакт..., 2014).

обижать! / Мы дети твоей необъятной земли, / Мы те, кто России навеки верны!» (Сорока, 2019).

Говоря о позиционировании Украины в дискурсе, связанном с теми событиями, нельзя не обратить внимание на еще один образ, имеющий непосредственное отношение к символу детства, — образ мачехи. Очевидно, использование материнской метафоры в легитимации социально-политического порядка имеет оборотной стороной привлечение символа мачехи в качестве способа делегитимации власти, равно как и целостности государства. Противопоставление России-матери и Украины-мачехи в их отношении к Крыму становится востребованным риторическим приемом в публицистике и риторике официальных лиц (Рябов, 2014).

Таким образом, символ детства включается в делегитимацию власти. Недостаточная забота о той или иной социальной группе либо регионе дает основания видеть в подобном поведении власти нарушение ею своих обязательств, связанных с патерналистскими ожиданиями. Особенно это касается обвинений власти в недолжном отношении к детям, что используется, в частности, в технологиях цветных революций: насилие — реальное или мнимое — над юными гражданами интерпретируется как проявление бессердечия власти («они же дети») и доказательство ее нелегитимности (см. об этом, напр.: Сундиев, 2018).

Помимо обвинения власти в неспособности выполнять своеобразный родительский долг, приемом делегитимации выступает критика переноса отношений родителей и детей на современные социальные отношения в целом. Примером может служить антикоммунистический дискурс периода перестройки, когда социально-политическая система СССР обвинялась в том, что она порождает социальный инфантилизм. Власть относится к взрослым людям как к неразумным детям, решая за них, например, каким образом им устраивать свою личную жизнь, во что верить, что именно читать и слушать; тем самым она лишает их инициативы и сдерживает развитие общества. Любопытен гендерный аспект этой критики. Власть обвинялась в том, что советская система превращает мужчин в маменькиных сынков. Свидетельством «противоестественности» социализма называли то, что он порождал в мужчине инфантильность; основа же мужественности, как утверждалось, — это частная собственность и сопутствующие ей независимость, ответственность, самостоятельность (Verdery, 1994, p. 250–255)⁵. Дискуссии о патернализме советского общества продолжались и в постсоветский период. Приведем оценку, которую дал Е. Гайдар: «Человек, который относится к государству, как мальчик детсадовского возраста к собственному отцу: он его одновременно

⁵ Заслуживает упоминания и то, что такие идеи были широко распространены в американской пропаганде холодной войны. В одном западном издании в те годы появилась карикатура «Mother Russia», на которой «Россия-Матушка» в образе женщины крепкого телосложения заслоняет собой сына от М. Горбачева. Сын, здоровенный бугай с бутылкой водки в кармане, испуганно смотрит на генсека-реформатора и говорит ему: «Папа Горбачев, я еще слишком молод, чтобы рассчитывать на свои собственные силы. Ты же знаешь, как я безынициативен. Кто позаботится обо мне? Я буду голодать, папа!» (Trager, 1989, p. 69).

любит и боится, он лишен всяческих забот о собственном жизнеобеспечении, поскольку все эти заботы лежат на отце, он ему бесконечно доверяет, вся его жизнь целиком зависит от отца, поскольку только папа вправе наказывать или похвалить его» (Гайдар, 2014, с. 511). По мнению политика, сущность советского человека и выражается в этом социальном инфантилизме, неспособности самому взять на себя ответственность за собственную судьбу, тотальном доверии государству и зависимости от него.

С. Кара-Мурза не расценивает патернализм в качестве дефекта; он связывает его с цивилизационными отличиями России от Запада, тем самым включая символ детства в политику макрополитической идентичности России: «Советское общество было устроено по типу семьи, в которой в отношении доступа к базовым благам роль отца (патера) выполняло государство... В этом заключался советский патернализм, который изживает уже двадцать лет» (Кара-Мурза, 2009, с. 18).

Образ детства и детей в символической политике военных конфликтов. Еще один важный аспект проблемы — символическая политика военных конфликтов. Образ ребенка занимает важное место в дискурсе войны и мира. Ценность юных членов общества для будущего этого общества и беззащитность ребенка определяют особый символический статус детей и особые обязательства по отношению к ним со стороны остальных. Так, социальная роль матери предполагает ее безусловную заботу о своем ребенке; материнство связано с социальными ожиданиями готовности защищать ребенка любой ценой. Роль мужчины подразумевает выполнение им функции защитника тех, кто нуждается в его помощи, в число которых попадают все дети, по крайней мере «своего» сообщества.

Важнейший компонент символической политики военных конфликтов — образ врага, и символы детей в той или иной степени помогают в конструировании этого образа. Среди таких практик — репрезентация врага как воюющего со слабыми, женщинами и детьми, что позволяет представить его как лишенного не только благородства и милосердия, но и силы и храбрости.

«Свои», напротив, не сражаются с детьми, а защищают их. Великодушие воина, его человечность в военной пропаганде и практиках коммеморации нередко показываются при помощи его отношения к детям врага. Хорошо известный в нашей стране пример — памятник «Воин-освободитель», воздвигнутый в берлинском Трептов-парке (1949, Е. Вучетич). Спасенная советским солдатом девочка призвана символизировать, что Советская армия — не покоритель, а освободитель всех народов Европы, включая немецкий. Однако воин защищает прежде всего детей собственного сообщества, «своих», и его образ как защитника является одним из наиболее значимых в практиках военной мобилизации. Репрезентации воина как защитника женщин и детей — это та дискурсивная практика, которая делает войну привлекательной; образ мужчины-защитника не только легитимирует участие в войне, но и нередко вменяет в обязанность уничтожение человеческих существ (Tickner, 2001, p. 57; Yuval-Davis, 1997, p. 15).

Особенно эффективным этот образ становится по той причине, что он обращен к гендерной идентичности (Goldstein, 2001, p. 252). Репрезентация безза-

щитных детей как невинных жертв врага — важная практика мобилизации. Так, на известном американском плакате «Расскажите это морским пехотинцам» (*“Tell That to the Marines”, J. Montgomery Flagg*), напечатанном в ходе мобилизационной кампании в США в 1917 г., изображено, как мужчина, узнав, что немцы, «гунны», убивают женщин и детей, тотчас записывается добровольцем в американскую армию. В мобилизационном дискурсе военных конфликтов различных регионов и исторических эпох можно встретить аналогичные сюжеты (см. об этом, напр.: Рябов, 2005; Носков, 2018)⁶. Мобилизационный эффект сообщений о страданиях детей усиливается, когда с мольбой о защите ребенка обращается женщина — скажем, на плакате В. Корецкого «Воин Красной Армии, спаси!» (1943). Наконец, сами дети обращаются к мужчинам, особенно к собственным отцам, напоминая об их обязанности быть защитником (см. в качестве примера британский плакат 1915 г. «Папочка, а что Ты делал во время Великой войны?» (*Daddy..., б. г.*)).

Мобилизующая сила образов страданий детей настолько велика, что дает право защищать их любым способом, нередко игнорируя прочие социальные нормы. Например, сегодня такого рода образы становятся важнейшими в избирательном толковании международного права и, в частности, широко применяются для легитимации гуманитарных интервенций. Так, именно образ сирийских детей, предположительно пострадавших от химической атаки правительственных сил Сирии, был использован для оправдания нанесения военными США ракетно-бомбового удара по сирийской территории в апреле 2018 г. (дискуссии о роли образов сирийских детей в информационной войне см. в: Christien, 2016; Дети — символы жестокости сирийской войны, 2017; Bartlett, 2017; Warren, 2017).

Символ ребенка может эксплуатироваться в качестве оружия войны еще в одном контексте. Силовое соперничество в международных отношениях нередко принимает форму соревнования в маскулинности. Чтобы убедить «своих» в неизбежности победы и показать военную несостоятельность врага, его изображают лишенным силы, храбрости, мужества. Символическая демаскулинизация врага — характерная черта дискурса военных конфликтов, принимавшая на протяжении истории человечества различные формы: кастрация пленников (или трупов павших воинов); принуждение пленников-мужчин носить женское платье; гомосексуальное насилие (включая символическое); уничтожение всего мужского населения противника, в результате чего у врага как бы остается только женский облик (так называемая гендерная резня) (Goldstein, 2001, p. 357); изнасилование женщин врага, которое призвано продемонстрировать его неспособность выступать в роли защитника (Keen, 1986, p. 129; Goldstein, 2001, p. 359, 361–362). Уподобление врага ребенку, предполагающее приписывание ему слабости, подчиненности, боязливости, впечатлительности, также выступает формой символической демаскулинизации.

⁶ Так, в период холодной войны обе сверхдержавы использовали подобный сюжет в различных формах пропаганды, включая кинематограф (например, фильмы «Красный рассвет» (1984) и «Юнга со шхуны Колумб» (1963)).

Например, на лубочных картинках российской пропаганды периода Первой мировой войны германские и австрийские воины изображались как дети, которых добродушно наказывает русский солдат (Васильев, б. г.). Иногда слабость неприятеля демонстрируется при помощи сюжетов, в которых дети одерживают над ним победу. Сюжет «дети-герои» показывает наивысшую степень сопротивления сообщества; гибель юных воинов не только взывает к отмщению, но и вселяет уверенность в победе, поскольку на борьбу с неприятелем поднимается весь народ, «от мала до велика». Так, тема пионеров-героев в Великой Отечественной войне широко использовалась в воспитании гражданственности в советской школе.

В мирное время тема «защитим наших детей от опасности» также включается в символическую политику. Так, в 2012 г. в подобной стилистике обсуждалась необходимость принятия так называемого закона Димы Яковлева о запрете усыновления российских детей иностранцами, что обосновывалось представлениями о моральной распущенности «Гейропы» (Рябова, Рябов, 2013).

Помимо того, что символ ребенка применяется в дискурсе войны, он активно привлекается и сторонниками мира, которые делают акцент на таких его значениях, как миролюбие детей, их безобидность. Поскольку дети являются безвинными жертвами военных конфликтов, то именно им представители антивоенного движения чаще всего «доверяют» протестовать против ужасов войны. Так, в 1980-х гг. символами движения за мир стали юная американка Саманта Смит и советская школьница Катя Лычева. Образ матери, защищающей своего ребенка от войны, также распространен в дискурсе сторонников мира. В советской пропаганде периода холодной войны риторичность вопроса «Хотят ли русские войны?» обеспечивалась в том числе при помощи образов детей на антивоенных плакатах (см., напр., плакат «Проклятье поджигателям войны! Матери всего мира, боритесь за мир!» (1950, В. Иванов); подробнее об этом: Рябов 2007)⁷.

Образ детства и детей в цивилизационном дискурсе. Наконец, остановимся на вопросе о том, как отмеченные значения символа детей включаются в цивилизационный дискурс. Прежде всего этот символ используется для легитимации отношений власти и подчинения. В постколониальных исследованиях было показано, как при помощи образов и символов Запад поддерживает власть над Востоком, репрезентируя данную цивилизацию как низшую и неспособную к самоуправлению. В частности, Э. Саид обратил внимание на роль, которую в ориентализме играет метафора женственности (Said, 1978). С. Холл, другой классик постколониальных исследований, отметил: в том дискурсе, который делит мир на «Запад» и «все остальное», уподобление «дикарей» детям призвано подчеркнуть инаковость народов, населяющих колонии, показать их нецивилизованность и неспособность к самоконтролю, что вносило вклад в оправдание «бремени белого человека» (Hall, 1997). В работе

⁷ Риторика высших руководителей СССР подтверждает эту мысль, например: «Именно женское сердце способно измерить всю глубину несчастий, выпадающих на долю матерей, вдов, сирот в безжалостном пламени войны» (Брежнев, 1976, с. 380).

другого автора, посвященной истории концепта «дикаря» в западных культурах, показано, как идея нецивилизованности, «природности» колониальных народов обосновывалась за счет уподобления их детям, а также животным (Jahoda, 1999). Ориентализации подвергаются и внутренние «чужие» западных обществ (Hall, 1992, p. 280), символ ребенка также привлекается для легитимации внутренних границ и иерархий. Наиболее наглядный пример — уподобление афроамериканцев детям (с приписываемыми им эмоциональностью, неспособностью к самоконтролю, суевериями), что позволяет подерживать расовую дискриминацию.

Об ориентализации России в западном дискурсе написано немало. Исследователи отмечают сходство практик исключения России из Запада за счет привлечения таких бинарных оппозиций, как «культура — природа», «свобода — деспотизм», «индивидуализм — коллективизм», «цивилизация — варварство». Метафора детства также применяется в данном контексте. «Русские — это бородатые дети», — написал еще в начале XVIII в. англичанин В. Ричардсон (Richardson, 1952, p. 174). Данное сравнение используется и позднее; приведем несколько примеров. Польский сатирический журнал «Муха» опубликовал во время революционных событий 1917 г. карикатуру, на которой Россию символизировал ребенок, играющий спичками, доставая из коробки с надписью «Свобода» (Barski, 1917, p. 1). В дневнике офицера вермахта, воевавшего на Восточном фронте, есть такая запись: «Русские не вырастают. Они остаются детьми...» (Немцы о русских, 1995, с. 133). Очевидно, детство выполняет те же функции, что и другие маркеры инаковости России, скажем *Mother Russia* или *Russian Bear*.

Вместе с тем образ Другого амбивалентен. Образ России как «земли будущего», вера в ее спасительную миссию (см.: Neumann, 1998, p. 236) базируются на представлениях о детстве, молодости, нераскрытом потенциале русской цивилизации. Сама идея «русского чуда», широко используемая в русском мессианизме, предполагает восприятие России как неактуализированной потенции — будь то западные истоки этой ментальной конструкции (Лейбниц, Дидро, Гердер) или ее первая русская манифестация в работах П. Чаадаева (Рябов, 2007). Последний, сравнивая Россию с листом белой бумаги, подчеркивает, что именно вследствие этой бескачественности «для нас не существует непреложной необходимости» (см. подробнее: Рябов, 2007).

Заключение. В последнее время мы видим усиление политизации темы детства, происходящее под влиянием различных факторов (их анализ требует отдельного исследования). Символ детства обладает свойствами, которые делают его удобным для привлечения политическими акторами: связью с мифом и сакральным, что обуславливает мобилизационный потенциал символа и определяет его способность вызывать сильную эмоциональную реакцию; пластичностью и субъективностью в интерпретации; простотой восприятия; способностью создавать символические границы сообщества и служить механизмом включения и исключения. Символ детства апеллирует к кровнородственным отношениям, что способствует репрезентации социальных связей как естественных, прочных и легитимных. Данный символ вовлекает в симво-

лическую политику такие оппозиции, как «природа и культура», «разум и эмоции», «власть и подчинение», «свобода и зависимость», «личность и коллектив», «актуальность и потенциальность». Всем этим определяется высокий потенциал его применения в символической политике. Символ детства играет заметную роль в легитимации и делегитимации власти и государственного устройства, дискурсе военных конфликтов, цивилизационном дискурсе и других формах символической политики. В производстве смыслов и оценок социальной реальности при помощи данного символа задействованы разнообразные механизмы символической политики: проведение символических границ, привлечение концептуальных метафор, ресемантизация, визуализация, стереотипизация.

В настоящей статье мы предприняли попытку рассмотреть основные черты использования образов детства и детей в символической политике как одного из аспектов темы «Дети и политика». Дальнейшее изучение данной темы предполагает проведение междисциплинарных исследований, которые объединили бы усилия политологов, социологов, психологов, педагогов, историков, юристов.

Литература

- Ариес Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке. Екатеринбург: Уральский университет, 1999. 415 с.
- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. 323 с.
- Брежнев Л. И. Участникам Всемирного конгресса, посвященного Международному году женщины // Брежнев Л. И. Ленинским курсом: речи и статьи: в 5 т. Т. 5. М., 1976. С. 379–381.
- Бугро В. «Родина-мать». URL: <https://gallerix.ru/storeroom/73167723/N/957440564> (дата обращения: 20.02.2019).
- Васильев М. В. Информационные войны Первой мировой. 1914–1918. URL: <https://www.simvolika.org/vv060.htm> (дата обращения: 20.02.2019).
- Гайдар Е. Т. Собр. соч.: в 15 т. Т. 8. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2014. 768 с.
- Дети — символы жестокости сирийской войны. Реальной и информационной // ВФМ.ру. 2017. 8 янв. URL: <https://www.bfm.ru/news/343294> (дата обращения: 20.02.2019).
- Докучаев Д. С. «Дочки-матери»: женские аллегории этнорегионов России в постсоветской монументальной риторике // Лабиринт: журнал социально-гуманитарных исследований. 2015. № 4. С. 82–95.
- Дончане обращаются к Матери-России: «Мать, не оставь нас в беде! Заступись и помоги!». URL: <http://marina-yudenich.livejournal.com/feed> (дата обращения: 20.02.2019).
- Завершинский К. Ф. Символические структуры политической легитимации: дис. ... д-ра полит. наук. СПб., 2003. 314 с. URL: <http://www.dissercat.com/content/simvolicheskie-struktury-politicheskoi-legitimatsii> (дата обращения: 20.02.2019).
- Кара-Мурза С. Г. Государственный патернализм — цивилизационное измерение // Научный эксперт. 2009. № 12. С. 16–24.
- Кон И. Этнография детства: историографический очерк // Этнография детства. Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Восточной и Юго-Восточной Азии / под ред. И. С. Кона. М.: Наука, 1983. С. 9–50.
- Лимонов Э. Мать не должна бросать своих детей без помощи! 2016. URL: <http://limonov-eduard.livejournal.com/464221.html> (дата обращения: 20.02.2019).

Малинова О. Ю. Конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России: символическая политика в трансформирующейся публичной сфере // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2010. № 1. С. 5–29.

Мид М. Культура и мир детства. М.: Наука, 1988. 429 с.

Немцы о русских: сб. ст. / сост. В. В. Дробышев. М.: Столица, 1995. 190 с.

Носков В. Ю. Образ ребенка-жертвы в советской пропаганде периода Великой Отечественной войны (по материалам сообщений Совинформбюро) // Журнал исторических, политологических и международных исследований. 2018. № 1 (64). С. 7–17.

Рябов О. В. Мать и мачеха: материнский символ России в легитимации присоединения Крыма к Российской Федерации // Женщина в российском обществе. 2014. № 4. С. 40–50.

Рябов О. «Россия-Матушка»: национализм, гендер и война в России XX века. Штутгарт; Ганновер: Ibidem, 2007. 290 с.

Рябов О. В. Нация и гендер в визуальных репрезентациях военной пропаганды // Женщина в российском обществе. 2005. № 3–4. С. 19–28.

Рябова Т. Б. Гендерные стереотипы в политической сфере современного российского общества: социологический анализ: дис. ... д-ра соц. наук. Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского. Иваново, 2009. 385 с.

Рябова Т. Б., Рябов О. В. «Гейропа»: Гендерное измерение образа Европы в практиках политической мобилизации // Женщина в российском обществе. 2013. № 3. С. 31–39.

Сорока Е. День Республики: «Россия — Родина-мать» в исполнении Главы ДНР прозвучала в центре Донецка // Комсомольская правда. 2019. 11 мая. URL: <https://www.donetsk.kp.ru/online/news/3472499/> (дата обращения: 11.05.2019).

Сундиев И. Ю. Под маской революции: технологии социальной деструкции в геополитической борьбе за будущее // Свободная мысль. 2018. № 2 (1668). С. 53–64.

Фотофакт. В Донецке появились билборды «Мать-Украина! Береги Донбасс, как сына!» // Сегодня. 2014. 11 апр. URL: <http://www.segodnya.ua/politics/society/v-donek-ke-royavilis-bilbordy-mat-ukraina-beregi-donbass-kak-syna-512079.html> (дата обращения: 20.02.2019).

Щеглова С. Н. Детство как социальный феномен (концепция социального конструирования детства): дис. ... д-ра соц. наук. М., 1999. 318 с.

Barski L. Ostroznie // Mucha. 1917. № 26. S. 1.

Barlett E. Exploitation of children in propaganda war against Syria continues // Russia today. 2017. 19 January. URL: <https://www.rt.com/op-ed/392976-exploitation-children-propaganda-syria/> (дата обращения: 20.02.2019).

Basta K. Imagined Institutions: The Symbolic Power of Formal Rules in Bosnia and Herzegovina // Slavic Review. 2016. Vol. 75, no. 4. P. 944–969. URL: <https://doi.org/10.5612/slavicreview.75.4.0944> (дата обращения: 20.02.2019).

Beetham D. Legitimation of Power. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2013. 336 p.

Cohen A. The Symbolic Construction of Community. London: Routledge, 1985. 128 p.

Christien A. The Representation of Youth in the Islamic State's Propaganda Magazine Dabiq // Journal of Terrorism Research. 2016. Vol. 7, no. 3. P. 1–8. <https://doi.org/10.15664/jtr.1201> (дата обращения: 20.02.2019).

Daddy, what did YOU do in the Great War? URL: <https://www.bl.uk/collection-items/daddy-what-did-you-do-in-great-war> (дата обращения: 20.02.2019).

Dallek R. The American Style of Foreign Policy: Cultural Politics and Foreign Affairs. New York: Alfred A. Knopf, 1983. 313 p.

Elgenius G. Symbols of Nations and Nationalism: Celebrating Nationhood. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2011. 248 p.

Eriksen E. O. Symbols, Stratagems, and Legitimacy in Political Analysis // Scandinavian Political Studies. 1987. Vol. 10, no. 4. P. 259–278.

DeZalia R. A. P., Moeschberger S. L. The Function of Symbols that Bind and Divide // Symbols that bind, symbols that divide the semiotics of peace and conflict / eds R. A. P. DeZalia, S. L. Moeschberger. New York: Springer, Cham, 2014. P. 1–12. https://doi.org/10.1007/978-3-319-05464-3_1.

Goldstein J. S. War and Gender: How Gender Shapes the War System and Vice Versa. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 523 p.

Hall S. The Spectacle of the "Other" // Representation: Cultural Representations and Signifying Practices / ed. S. Hall. London: Thousand Oaks; New Delhi: Sage Publications, 1997. P. 223–290.

Hall S. The West and the Rest: Discourse and Power // Formations of Modernity / eds S. Hall, B. Gieben. Cambridge, UK: Open University, Polity Press, 1992. P. 275–281.

Jahoda G. Images of Savages: Ancient Roots of Modern Prejudice in Western Culture. London: Routledge, 1999. 320 p.

Kantorowicz E. H. The King's Two Bodies: A Study in National Political Theology. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1957. 568 p.

Keen S. Faces of the Enemy: Reflections of the Hostile Imagination. San Francisco: Harper & Row, 1986. 199 p.

Kowalewski D. The protest uses of symbolic politics in the USSR // The Journal of Politics. 1980. Vol. 42, no. 2. P. 439–460. <https://doi.org/10.2307/2130468>.

Landsman G. H. The "Other" as Political Symbol: Images of Indians in the Woman Suffrage Movement // Ethnohistory. 1992. Vol. 39, no. 3. P. 247–284.

Lauenstein O., Murer J. S., Boos M., Reicher S. "Oh motherland I pledge to thee...": a study into nationalism, gender and the representation of an imagined family within national anthems // Nations and nationalism. 2015. Vol. 21, no. 2. P. 309–329. <https://doi.org/10.1111/nana.12123>.

Mazepus H., Veenendaal W., McCarthy-Jones A., Trak Vásquez J. M. A comparative study of legitimation strategies in hybrid regimes // Policy Studies. 2015. Vol. 37, no. 4. P. 350–369. <https://doi.org/10.1080/01442872.2016.1157855>.

Neumann I. B. Constructing Europe: Russia as Europe's Other // Political symbols, symbolic politics / ed. U. Hedetoft. Ashgate: Aldershot, 1998. P. 226–266.

Nieguth T., Raney T. Nation-building and Canada's National Symbolic Order, 1993–2015 // Nations and Nationalism. 2017. Vol. 23, no. 1. P. 89–90. <https://doi.org/10.1111/nana.12170>.

Quéma A. Power and Legitimacy: Law, Culture, and Literature. University of Toronto Press, 2015. 376 p.

Richardson W. Anecdotes of the Russian Empire // Seven Britons in Imperial Russia, 1698–1812 / ed. P. Putnam. Princeton, 1952. P. 235–249.

Said E. W. Orientalism. New York: Pantheon Books, 1978. 368 p.

Sharp J. P. Condensing the Cold War: Reader's Digest and American Identity. University of Minnesota Press, 2000. 207 p. <https://doi.org/10.1177/03058298020310020209>.

Tickner J. A. Gendering World Politics: Issues and Approaches in the Post-Cold War Era. New York: Columbia University Press, 2001. 272 p.

Trager O. Gorbachev's Glasnost: Red Star Rising. New York: Facts on File Inc., 1989. 215 p.

Warren J. Are images of dead Syrian children "propaganda"? // Vanity Fair. 2017. April 13. URL: <https://www.vanityfair.com/news/2017/04/syrian-chemical-weapons-propaganda> (дата обращения: 20.02.2019).

Verdery K. From Parent-State to Family Patriarchs: Gender and Nation in Contemporary Eastern Europe // East European Politics and Societies. 1994. Vol. 8, no. 2. Spring. P. 250–255.

Yuval-Davis N. Gender and Nation. London: Thousand Oaks, 1997. 168 p.

Рябова Татьяна Борисовна — д-р соц. наук, проф.; riabova2001@inbox.ru

Рябов Олег Вячеславович — д-р филос. наук, проф., вед. науч. сотр.; Riabov1@inbox.ru

Статья поступила в редакцию: 25 февраля 2019 г.;

рекомендована в печать: 25 июня 2019 г.

Для цитирования: Рябова Т. Б., Рябов О. В. Образ детства и детей в символической политике // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2019. Т. 15, № 3. С. 417–434. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu23.2019.307>

THE IMAGES OF CHILDHOOD AND CHILDREN IN THE SYMBOLIC POLITICS*

Tatiana B. Riabova

Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen,
48, nab. r. Moiki, St. Petersburg, 191186, Russia; riabova2001@inbox.ru

Oleg V. Riabov

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia; Riabov1@inbox.ru

The article analyzes principal regularities in the use of images of childhood and children in the symbolic politics. The authors note the growing politicization of the issues of childhood in the recent years, which determines academic and social relevance of the child study from the Political Science perspective. The paper shows that the symbol of childhood plays a significant role in the legitimation and delegitimation of power and political system, the discourse of military conflicts, the civilizational discourse and other forms of symbolic politics. The symbol possesses the traits which make it useful for political actors': the connection to myth and the sacred that determines its ability to trigger strong emotional response; plasticity and subjectivity in interpretation; simplicity of perception; ability to create symbolic boundaries and to serve as a way of inclusion and exclusion. The symbol of childhood appeals to the kinship relations, which contributes to representing the social ties as natural, strong, and legitimate. This symbol helps to bring to the symbolic politics such binary oppositions as culture vs. nature, reason vs. emotions, power vs. submission, freedom vs. dependence, individuality vs. collectivity, actuality vs. potentiality. In making the meanings and evaluations of social reality with the help of this symbol the actors use various mechanisms of symbolic politics: drawing symbolic boundaries, employing conceptual metaphors, resemiotization, visualization, and stereotipization. In spite of variability of its meanings, one can note its core characteristics, and the most significant of them is otherness in regards to the norm — the image of the adult human, above all, that of the adult male, that determines both positive and negative context of employing this symbol. The authors point out that the symbol of childhood has a significant potential for the use in symbolic politics.

Keywords: childhood, children, symbolic politics, political symbols, legitimation of power, war propaganda, political mobilization.

References

- Aries E. *Child and family life in the old order*. Ekaterinburg, Publishing House of the Ural University, 1999. 415 p. (In Russian)
- Berger P.L., Luckmann T. *The Social Construction of Reality. A Treatise in the Sociology of Knowledge*. Moscow, Medium Publ., 1995. 323 p. (In Russian)
- Brezhnev L. I. To participants of World Congress devoted to International Women's Day. *Brezhnev L. I. Leninskim kursom: rechi i stat'i*. In 5 vols. Vol. 5. Moscow, Politizdat Publ., 1976, pp. 379–381. (In Russian)
- Bugro V. *The Motherland*. Available at: <https://gallerix.ru/storeroom/73167723/N/957440564/> (accessed: 20.02.2019). (In Russian)
- Vasil'ev M.V. *Information warfare in the World War I*. Available at: <https://www.simvolika.org/v060.htm> (accessed: 20.02.2019). (In Russian)
- Gaidar E. T. *Selected Works*. In 15 vol. Vol. 8. Moscow, Delo Publ., 2014. 768 p. (In Russian)

* The study was supported by the Russian Science Foundation, grant 18-18-00233 "Cinema images of Soviet and American enemies in the symbolic policy of the Cold War: Comparative Analysis" and the Russian Foundation for Basic Research, grant 19-011-00748 "Russian Bear" in modern symbolic politics: Russian and Western contexts.

Children are symbols of cruel Syrian war. Real war and information warfare. *BFM.ru*. 2017. 8 January. Available at: <https://www.bfm.ru/news/343294> (accessed: 20.02.2019). (In Russian)

Dokuchaev D. S. "Daughters and mothers": Female allegories of ethnical regions of Russia in post-Soviet monumental rhetoric. *Labirint: zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniï*, 2015, no. 4, pp. 82–95. (In Russian)

Donetsk inhabitants turn to Mother Russia: "Mother! Do not leave us behind! Stand up for us and help!" Available at: <http://marina-yudenich.livejournal.com/feed> (accessed: 20.02.2019). (In Russian)

Zavershinskii K. F. *Symbolic structures of political legitimation*. Dr. Sci. Thesis (Political Science). 314 p. Available at: <http://www.dissercat.com/content/simvolicheskie-struktury-politicheskoi-legitimatsii> (accessed: 20.02.2019). (In Russian)

Kara-Murza S. G. State paternalism — civilizational dimension. *Nauchnyi ekspert*, 2009, no. 12, pp. 16–24. (In Russian)

Kon I. S. Ethnography of childhood: historical profile. *Traditional Forms of Socialization of Children and Adolescents among Peoples of Central and South Asia*. Ed. by I. S. Kon. Moscow, Nauka Publ., 1983, pp. 9–50. (In Russian)

Limonov E. A *Mother must not leave her children*. 2016. Available at: <http://limonov-eduard.livejournal.com/464221.html> (accessed: 20.02.2019). (In Russian)

Malinova O. Iu. Constructing macropolitical identity in Soviet Russia: symbolic politics in transforming public space. *Politicheskaiia ekspertiza: POLITEKS*, 2010, no. 1, pp. 5–29. (In Russian)

Mead M. *Culture and World of childhood*. Moscow, Nauka Publ., 1988. 429 p. (In Russian)

Germans about Russians. Ed. V. V. Drobyshev. Moscow, Stolitsa Publ., 1995. 190 p. (In Russian)

Noskov V. Iu. Image of child as a victim in Soviet propaganda of Great Patriotic war period (on the messages of Sovinformburo). *Zhurnal istoricheskikh, politologicheskikh i mezhdunarodnykh issledovaniï*, 2018, no. 1 (64), pp. 7–17. (In Russian)

Riabov O. V. The mother and the step-mother: maternal symbol of Russia in legitimation of Crimea joining the Russian Federation. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, 2014, no. 4, pp. 40–50. (In Russian)

Riabov O. V. *"Mother Russia": Nationalism, gender, and war in XX century Russia*. Stuttgart, Hannover, Ibidem, 2007. 290 p. (In Russian)

Riabov O. V. Nation and gender in visual representations of war propaganda. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, 2005, no. 3–4, pp. 19–28. (In Russian)

Riabova T. B. *Gender stereotypes in political space of contemporary Russian society: sociological analysis*. Dr. Sci. Thesis (Sociology). Ivanovo, 2009. 385 p. (In Russian)

Riabova T., Riabov O. V. "Gayropa": gender dimension of image of Europe in the practices of political mobilization. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, 2013, no. 3, pp. 31–39. (In Russian)

Soroka E. Day of the Republic: the song "Russia as Mother Russia" was performed by the Head of DNR in the center of Donetsk. *Komsomolskaia pravda*. 2019. 11 May. Available at: <https://www.donetsk.kp.ru/online/news/3472499/> (accessed: 11.05.2019). (In Russian)

Sundiev I. Iu. Under mask of revolution: technologies of social destruction in geopolitical struggle for future. *Svobodnaia Mysl'*, 2018, no. 2 (1668), pp. 53–64. (In Russian)

In Donetsk the billboards "Mother Ukraine! Take care Donbass as a son" have appeared. *Segodnya*. 2014. April 11. Available at: <http://www.segodnya.ua/politics/society/v-donek-ke-poyavilis-bilbordy-mat-ukraina-beregi-donbass-kak-syna-512079.html> (accessed: 20.02.2019). (In Russian)

Shcheglova S. N. *Childhood as social phenomenon (theory of social constructing childhood)*. Dr. Sci. Thesis (Sociology). Moscow, 1999. 318 p. (In Russian)

Barski L. *Ostroznie. Mucha*, 1917, no. 26, s. 1.

Barlett E. Exploitation of children in propaganda war against Syria continues. *Russia today*. 2017. 19 January. Available at: <https://www.rt.com/op-ed/392976-exploitation-children-propaganda-syria/> (accessed: 20.02.2019).

- Basta K. Imagined Institutions: The Symbolic Power of Formal Rules in Bosnia and Herzegovina. *Slavic Review*, 2016, vol. 75, no. 4, pp. 944–969. Available at: <https://doi.org/10.5612/slavicreview.75.4.0944> (accessed: 20.02.2019).
- Beetham D. *Legitimation of Power*. Basingstoke, Palgrave Macmillan, 2013. 336 p.
- Cohen A. *The Symbolic Construction of Community*. London, Routledge, 1985. 128 p.
- Christien A. The Representation of Youth in the Islamic State’s Propaganda Magazine Dabiq. *Journal of Terrorism Research*, 2016, vol. 7, no. 3, pp. 1–8. Available at: <https://doi.org/10.15664/jtr.1201> (accessed: 20.02.2019).
- Daddy, what did YOU do in the Great War?* Available at: <https://www.bl.uk/collection-items/daddy-what-did-you-do-in-great-war> (accessed: 20.02.2019).
- Dallek R. *The American Style of Foreign Policy: Cultural Politics and Foreign Affairs*. New York, Alfred A. Knopf, 1983. 313 p.
- Elgenius G. *Symbols of Nations and Nationalism: Celebrating Nationhood*. Basingstoke, Palgrave Macmillan, 2011. 248 p.
- Eriksen E. O. Symbols, Stratagems, and Legitimacy in Political Analysis. *Scandinavian Political Studies*, 1987, vol. 10, no. 4, pp. 259–278.
- DeZalia R. A. P., Moeschberger S. L. The Function of Symbols that Bind and Divide. *Symbols that bind, symbols that divide the semiotics of peace and conflict*. Eds R. A. P. DeZalia, S. L. Moeschberger. New York, Springer, Cham, 2014, pp. 1–12. Available at: https://doi.org/10.1007/978-3-319-05464-3_1 (accessed: 20.02.2019).
- Goldstein J. S. *War and Gender: How Gender Shapes the War System and Vice Versa*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 523 p.
- Hall S. The Spectacle of the “Other”. *Representation: Cultural Representations and Signifying Practices*. Ed. S. Hall. London, Thousand Oaks; New Delhi, Sage Publications, 1997, pp. 223–290.
- Hall S. The West and the Rest: Discourse and Power. *Formations of Modernity*. Eds S. Hall, B. Gieben. Cambridge, UK, Open University Polity Press, 1992, pp. 275–281.
- Jahoda G. *Images of Savages: Ancient Roots of Modern Prejudice in Western Culture*. London, Routledge, 1999. 320 p.
- Kantorowicz E. H. *The King’s Two Bodies: A Study in National Political Theology*. Princeton, N. J., Princeton University Press, 1957. 568 p.
- Keen S. *Faces of the Enemy: Reflections of the Hostile Imagination*. San Francisco, Harper & Row, 1986. 199 p.
- Kowalewski D. The protest uses of symbolic politics in the USSR. *The Journal of Politics*, 1980, vol. 42, no. 2, pp. 439–460. <https://doi.org/10.2307/2130468>.
- Landsman G. H. The “Other” as Political Symbol: Images of Indians in the Woman Suffrage Movement. *Ethnohistory*, 1992, vol. 39, no. 3, pp. 247–284.
- Lauenstein O., Murer J. S., Boos M., Reicher S. “Oh motherland I pledge to thee...”: a study into nationalism, gender and the representation of an imagined family within national anthems. *Nations and nationalism*, 2015, vol. 21, no. 2, pp. 309–329. <https://doi.org/10.1111/nana.12123>.
- Mazepus H., Veenendaal W., McCarthy-Jones A., Trak Vásquez J. M. A comparative study of legitimation strategies in hybrid regimes. *Policy Studies*, 2015, vol. 37, no. 4, pp. 350–369. <https://doi.org/10.1080/01442872.2016.1157855>.
- Neumann I. B. Constructing Europe: Russia as Europe’s Other. *Political symbols, symbolic politics*. Ed. U. Hedetoft. Ashgate, Aldershot, 1998, pp. 226–266.
- Nieguth T., Raney T. Nation-building and Canada’s National Symbolic Order, 1993–2015. *Nations and Nationalism*, 2017, vol. 23, no. 1, pp. 89–90. <https://doi.org/10.1111/nana.12170>.
- Quéma A. *Power and Legitimacy: Law, Culture, and Literature*. Toronto, University of Toronto Press, 2015. 376 p.
- Richardson W. Anecdotes of the Russian Empire. *Seven Britons in Imperial Russia, 1698–1812*. Ed. P. Putnam. Princeton, 1952, pp. 235–249.
- Said E. W. *Orientalism*. New York, Pantheon Books, 1978. 368 p.
- Sharp J. P. *Condensing the Cold War: Reader’s Digest and American Identity*. Minneapolis, University of Minnesota Press, 2000. 207 p. <https://doi.org/10.1177/03058298020310020209>.

Tickner J. A. *Gendering World Politics: Issues and Approaches in the Post-Cold War Era*. New York, Columbia University Press, 2001. 272 p.

Trager O. *Gorbachev's Glasnost: Red Star Rising*. New York, Facts on File Inc., 1989. 215 p.

Warren J. Are images of dead Syrian children "propaganda"? *Vanity Fair*. 2017. April 13. Available at: <https://www.vanityfair.com/news/2017/04/syrian-chemical-weapons-propaganda> (accessed: 20.02.2019).

Verdery K. From Parent-State to Family Patriarchs: Gender and Nation in Contemporary Eastern Europe. *East European Politics and Societies*, 1994, vol. 8, no. 2, Spring, pp. 250–255.

Yuval-Davis N. *Gender and Nation*. London, Thousand Oaks, 1997. 168 p.

Received: February 25, 2019

Accepted: June 25, 2019

For citation: Riabova T. B., Riabov O. V. The Images of Childhood and Children in the Symbolic Politics. *Political Expertise: POLITEX*, 2019, vol. 15, no. 3, pp. 417–434.

<https://doi.org/10.21638/11701/spbu23.2019.307> (In Russian)